

УДК 811.163.1+81'35
DOI 10.52452/19931778_2024_1_172

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА АНТИСТИХА В СОВРЕМЕННОМ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2024 г.

А.Д. Большаков

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

barsikapfff-2@mail.ru

Поступила в редакцию 12.07.2023

Принцип антистиха играет очень важную роль в системе современного церковнославянского языка, но несмотря на это до сих пор остается слабо разработанным как в научной, так и в учебной литературе. Церковнославянский язык обычно рассматривается как язык, оформленный в ходе церковных реформ патриарха Никона, в связи с чем исследователи сосредотачивают свое внимание на дореформенных изданиях Московского печатного двора, останавливаясь на издании Грамматики 1648 г., но современные нормы не отвечают предписаниями, предусмотренным этой грамматикой. В свою очередь, в учебной литературе принцип антистиха либо не рассматривается вовсе, либо рассматривается отрывочно, непоследовательно и вне связи ни с иными орфографическими принципами, ни с остальными уровнями языка. Такая совокупность факторов значительно затрудняет не только адекватное теоретическое описание, т.е. кодификацию, церковнославянского языка на современном этапе его развития и соответствующее преподавание, но даже и корректное составление/издание текстов на церковнославянском языке.

Ключевые слова: церковнославянский язык; принцип антистиха; графика и орфография; омонимия; кодификация; лингводидактика; Московский печатный двор (синодальная типография); славянская кирилловская палеография; книжная справа; грамматология.

Несмотря на то, что принцип антистиха – графико-орфографической маркировки определенной группы омонимов – называют даже «*иконой православия*» [1, с. 550, стб. 2], ни сам антистих, ни в целом орфография современного церковнославянского языка [2] практически не попадают в поле зрения учёных, хотя актуальность таких исследований в настоящее время весьма высока (подробнее см. [3]). Осознавалась указанная проблема давно, но только в последнее десятилетие началось активное освоение этой темы [4–6].

Сама церковнославянская орфографическая система в общем случае воспринимается как какая-то некогда стабилизированная структура, и поныне функционирующая в этом своём виде, что, в сущности, продолжает другое распространённое убеждение, будто бы церковнославянский язык в окончательном своём состоянии сформировался к XVIII в. и употребляется с тех пор Русской Православной и иными Поместными Церквами без изменений [7, с. 15; 8, с. 83–84].

Другое частное следствие такого убеждения заключается в том, что исследователи языка старопечатных книг гораздо охотнее обращаются к дореформенным изданиям, как если бы на Расколе Русской Церкви и закончилась книжная справа, а с нею завершилось и формирование используемого сейчас церковнославянского языка. Показательны в этом отношении работы

Е.А. Кузьминовой и С.М. Кусмауль [9]: предельно внимательный, обстоятельный анализ иногда даже каких-то конкретных элементов (напр., омеги [10] или каморы [11]) выписывается едва ли не по десятилетиям вплоть до издания Московской грамматики 1648 г., тогда как вся II пол. XVII в. условно обобщается под именем Никона, а сама Грамматика становится универсальным мериллом, лекалом на всю оставшуюся часть XVII в., хотя сама же Е.А. Кузьминова убедительно показывает, что дела обстояли несколько иначе [12].

Таким образом, возникает почти семидесятилетняя лакуна: с 1653 г., когда Патриарх Никон приступил к церковной реформе [13, с. 245] и в частности к работе над переизданием Служебника, по 1721 г., когда патриаршество было упразднено и Русская Православная Церковь была переведена в подчинение Святейшему Правительствующему Синоду [14, с. 307–308], т.е. как минимум почти семидесятилетняя лакуна между дореформенным (старомосковским) изводом церковнославянского языка, используемым (в виде репринтов иосифовских изданий) в настоящее время только старообрядческими и единоверческими общинами, и синодальным (новомосковским) изводом, употребляемым в патриаршей Церкви (РПЦ (МП)) [15, с. 40–43; 16, с. 383].

При этом необходимо помнить, что некоторые орфографические нормы современного

церковнославянского языка, в т.ч. и лежащие в плоскости реализации принципа антистиха, не выводятся ни из предписаний Грамматики 1648 г., ни из старомосковского извода вообще, т.е. их истоки приходится на хронологический диапазон этой самой лакуны (если исходить из тезиса о том, что с XVIII в. церковнославянская система сохранилась неизменной). Дополнительно исследование антистиха на материале II пол. XVII – I четв. XVIII в. затрудняется тем, что, во-первых, число грамматик в этот период очень невелико; сами они, во-вторых, так или иначе воспроизводят идеи Грамматики 1648 г.; кроме того, в-третьих, они не отражают или, в лучшем случае, не отражают своевременно реальной практики справщиков, что, в общем-то, наблюдалось ещё в старомосковский период: «языковая норма разрабатывается справщиками Московского Печатного двора сначала в богослужебных изданиях, а затем кодифицируется в грамматике» [17, с. 95].

Описанная ситуация с исследованием церковнославянского языка естественным образом налагает отпечаток на обучение церковнославянскому языку: раньше всего – принцип антистиха отсутствует в учебной литературе (за исключением, пожалуй, [18]). И дело даже не в том, что не употребляется термин «антистих», – в существующем виде нормативные рекомендации не создают картины системности и последовательности, подобающих орфографическому принципу. Например, в учебнике А.Г. Воробьевой в орфографическом разделе указывается, что «*ω пишется для разграничения омонимичных грамматических форм*» [19, с. 35], чему в разделе морфологическом соответствует указание, что «*в окончании дательного падежа [плюралиса. – А.Б.] всегда пишется омега и есть якорный*» [там же, с. 51]. Но из этого никак не выводятся написания *GenPl* *сѡль*, *вогѡкъ*, *тѡжѡтъль*, *срѣбрѣникъ*, *NomPl* *знѡмѣнѡ*, *отѣчѣства*, *торжѣства*, *млѣжн*. Орфографическая часть пособия Т.Л. Мироновой предписывает использовать *ω*, *ϵ* и камору «для различения на письме одинаково звучащих грамматических форм одного и того же слова» [20, с. 15, 17, 26], однако в морфологических уроках какие-либо комментарии по их употреблению отсутствуют, хотя необходимость в них есть немалая: неясно, например, почему в дуалисе *NomAcc* *ѣлѡ* (*sic*: не с исконным ятем во флексии!) задействует сразу оба расподобителя, а *DatInstr* *ѣлѡ* – только один и именно этот (парадигма на с. 64). То же наблюдается, например, и в пособиях А.И. Изотова [21], М.Л. Ремнёвой [22], А.Г. Стульце-

ва [23], А.В. Ушкова [24] и др.: все их объединяет то, что антистих в них вырван из естественного для него орфографического контекста, в результате чего нивелируется и его морфологическая значимость; превалирующее же в учебной литературе списочное изложение позиций тех или иных графем, представляющее собой в сущности даже не свод орфографии, а комментарии к алфавиту, только способствует такому обесцениванию.

Далее, даже в тех пособиях, где содержатся, пусть и в списочном виде, сведения об антистихе, часто употребляется формулировка, и нецелесообразная педагогически, и неверная в сущности: «*D пишется для A*», где *D* – конкретное средство дифференциации, т.е. конкретный расподобитель (*ϵ*, *ω*, *ы*, *л*, *ь*, камора, апостроф); *A* – указание на снятие грамматической омонимии («для различения форм...», «для указания на форму...», «в формах...» *etc.*). Рекомендации такого типа обнаруживаются, например, в [19, с. 34; 20, с. 17; 21, с. 20; 22, с. 33; 23, с. 11–12; 24, с. 62; 25, с. 23–24; 26, с. 157; 27, с. 7; 28, с. 7–8; 29, с. 6–8; 30; 31, с. 12; 32, с. 18; 33, с. 6; 34, с. 40].

Употребление тех или иных дублетных букв или диакритических знаков (кроме, с известными оговорками, каморы) само по себе не сигнализирует о реализации антистиха. Например, *ѣѡнѣкѡ*, *ѣдѣны*, *ѣѡны*, содержат *ω* и *ϵ*, которые пишутся в т.ч. в плюралельных формах, но значит ли это, что перед нами плюралельные формы? Нет, поскольку *ω* и *ϵ* пишутся здесь в соответствии с этимологическим (гр. *Σίών*) и позиционным (в неприкрытом анлауте) принципами, и именно поэтому для расподобления здесь и используется камора (*ѣѡнѣкѡ*, *ѣдѣны*), в то время как *ѣѡны* сохраняет неснятую омонимию, т.к. камора не используется в неприкрытом анлауте, а апостроф используется только в формах мест. *н(жѣ).

Аналогично с написанием *обѣятѡ отча*: следует ли из рекомендации писать *ω* в плюралельных формах корректность написания *ѡѣлѣтѡ ѡчи? Нет, поскольку *обѣятѡ* содержит либо *ω*, либо *о* – в соответствии с традиционным принципом, а *отча* – *о* в соответствии с принципом позиционным; уже имеющаяся *ω* показателем плюралелиса не является, поэтому необходимо использовать камору, а *о* не подлежит замене на *ω*, поскольку сам маркирован относительно *о*, т.о. корректным будет написание {*ѡ/ѡ*}*ѣлѣтѡ ѡчи* (в неутруме и дуалисе мена *л* → *л*, *н* → *ы* после шипящих основ не используется).

Таблица

$\{o/w\} \{o/w\} \{z\} \{e/\acute{e}/\hat{e}/\check{e}\} \{a/\lambda\}$ $2 \times 2 \times 4 \times 2 - 1 = 31$				
-со-	-воз-	-шед-	-ша-	ударение
11	8	6	5	1
совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша
совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	
совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	
совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	
совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	
совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	
совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	
совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	
совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	
совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	
совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	совозше́дша	

Единица вычитается в счёт написания *GenSnMN* совозше́дша, не требующего расподобления

Более корректным и адекватным было бы выражение «*N* меняется на *D* для *A*». Рекомендации такого типа обнаруживаются, например, в [18, с. 27; 35, с. 45; 36, с. 113–114; 37, с. 12; 38, с. 181; 39, с. 72; 40, с. 48; 41, с. 14] (перечень, как минимум, количественно вдвое меньше). Особенно среди них стоит отметить грамматики К. Козьмина и Алипия (Гамановича), в которых прямо указывается, что для снятия омонимии дублет-расподобитель пишется именно *вместо* [37, с. 12; 35, с. 45] основного варианта, что коррелирует с названием дифференцирующего принципа орфографии в церковнославянском языке: как известно, одно из значений префикса *ἀντί* – ‘вместо’ (ср.: *Антипасха*, *антиминс*, *антидор*, *антимерия*) [42, с. 27].

Кроме того, указания на способы снятия омонимии зачастую формулируются настолько же неполно, насколько и широко (подробный обзор см. в [43, с. 256–260]), вследствие чего расподобители используются совершенно произвольно вплоть до неуместности и даже избыточности: *земнѣа* – *зѣмнѣа*, *колѣзни* – *кѡлѣзни*, *рѣбра*, *мѡрѣа*, *вѡды*, *хвалѣмь*, *держѣи*, *кѡлѣзни*, *нензѣдѡвѣннѣа*, и т.д. В качестве примера приведём варианты расподобления омоформы *совозшедша* (см. табл.), теоретически выводимые из имеющихся формулировок.

Корректное изложение алгоритма расподобления омоформ (т.е. корректное описание механизма действия антистиха) существенно сократило бы число вариантов: ограничение локализации расподобителя – до 12, ограничение количества расподобителей – до 5 и т.д.; совокупностью таких указаний, т.е. чётко сформулиро-

ванным правилом, предопределился бы, наконец, единственно возможный вариант.

Это, вдобавок, имеет ещё одно неочевидное следствие. Реализация антистиха, регламентирующая внешний вид конкретной словоформы, предполагает учёт целого ряда параметров:

- возможность использования дублета;
- количество возможных дублетов;
- качество финали (исхода основы);
- место ударения;
- позиция возможных дублетов относительно ударения;
- прикрытость/неприкрытость анлаута;
- открытость/закрытость ауслота;
- принадлежность слова к конкретной лексико-грамматической категории;
- конкретные грамматические характеристики словоформы (род, число, падеж).

Такое количество «степеней несвободы» делает практически невозможным, а если и возможным, то методически бессмысленным, составление иллюстративных парадигм, необходимых при изучении морфологии. Действительно, слова *лжѣа*, *мгѣа*, *женѣа*, *странѣа*, *кѡжа*, *бѣздѣа*, *пѣвѣа*, *ѣзѣа*, *сковѣдѣа*, *ѡтѣрѣа*, *мѡлнѣа*, хотя бы и относились к одному деклинационному типу, в конечном счёте имеют разное формообразование (ср., например, только формы *NomPl*: *лжѣи*, *мгѣи*, *женѣи*, *странѣи*, *кѡжѣи*, *бѣздѣи*, *пѣвѣи*, *ѣзѣи*, *ѡтѣрѣѣи*, *сковѣдѣи*, *ѡтѣрѣѣи*), а значит, для них и аналогичных им слов (*тѣщѣа*, *тѣмѣа*, *мзѣа*, *сѣщѣа*, *сѣстрѣа*, *тѣщѣа*, *рѣдѣа*, *вѣдѣа*, *тѣща*, *мрѣжа*, *лѣпта*, *стѡгна*, *жѣла*, *тѣжба*, *ѣма*, *ѡѣза*, *щѣдрѣа*, *трапѣза*, *тѣтнѣа*, *толщнѣа*, *вѡвѣнѣа*, *темнѣа*, *ѡѣзницѣа*, *ѣгницѣа* и

т.д.) потребуются самостоятельные парадигмы (таблицы склонений). Опять же – изложение алгоритма расподобления омоформ способствует не только экономии ресурсов, но и пониманию, почему, например, *лжы* и *мглы* имеют одинаковую флексию, но разную акцентуацию, *кѡжы* и *вѣзны* имеют одинаковую флексию и акцентуацию, но разную орфографию основы, а *ѣзвы* сохраняет неснятую омонимию.

Отсутствие методически выверенного изложения антистиха, в свою очередь, дополнительно дестабилизирует и без того (см. выше) нестабильную орфографию текстов, что особенно остро проявляется при новонаборном их переиздании, а главное при издании текстов новосоставленных: если в первом случае редактор может просто выбрать одно из существующих в старопечатных изданиях написаний, то во втором случае он должен генерировать это написание сам. Так рождаются избыточные (*стѣзи мѡркѣа*) или недостаточные (*стѣзи прѣвы*) написания. Осложняется ситуация ещё и тем, что новосоставленные службы утверждаются Синодом в гражданской орфографии, т.е. их издание зачастую заведомо лишено возможности верификации старопечатным материалом.

Наконец, при обучении языку используются существующие на данный момент тексты (Священное Писание, гимнография, агиография, каноника, гомилетика и т.д.), издатели которых руководствуются разными стандартами [44], в связи с чем орфографическая вариативность может встречаться даже в пределах одного издания (ср. в Октоихе 1981 г.: *AccDi* *плещй – плещы – плещй*).

Таким образом, основную проблематику антистиха в современном церковнославянском языке можно резюмировать следующим образом: в преподавании/изучении СЦСЯ мы вынуждены работать со слабо исследованным антистихом по слабо или вообще не излагающим его учебникам на материале непоследовательно его реализующих текстов. И пожинаются плоды этой проблемы не только на уровне орфографии, но и орфоэпии, лексики, грамматики [45–46].

Работа выполнена в рамках НИР Н-469-99_2021-2023 «Культурное наследие как часть комфортной окружающей среды» на базе Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского по заказу Министерства образования и науки Российской Федерации (Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030»).

Список литературы

1. Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 549–553.

2. Людоговский Ф.Б. Современный церковнославянский язык: обоснование существования и определение понятия // Славянский вестник. Вып. 1. М., 2003. С. 191–199.

3. Большаков А.Д. Антистих и проблема кодификации церковнославянского языка // Актуальные проблемы славянской филологии, культуры и журналистики: Материалы I Международной научной конференции. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 107–113.

4. Кузьминова Е.А. Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011. № 5. С. 36–55.

5. Маршева Л.И. Дифференцирующий принцип церковнославянской орфографии // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей СДС. Вып. 3. М., 2012. С. 327–335.

6. Левшенко Т.А. Различение созвучных грамматических форм в церковнославянском языке: теория и практика // XXVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского университета: Материалы. М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. С. 245–252.

7. Кравецкий А.Г., Плетнёва А.А. История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX в.). М., 2001.

8. Толстой Н.И. Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 81–90.

9. Кусмауль С.М. Нормализация употребления дублетных букв по принципу антистиха в процессе книжной справы середины XVII века // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1 (25). С. 223–243.

10. Кусмауль С.М. Эволюция принципов употребления буквы w во второй половине XVI века – первой половине XVII века // Fontes Slavica Orthodoxa: Сборник научных статей / Под ред. Е.А. Потехиной и А.Г. Кравецкого. Olsztyn, 2016. С. 89–134.

11. Кусмауль С.М. Эволюция функций знака каморы в богослужебных изданиях кон. XVI – перв. пол. XVII в. // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2017. Вып. 51. С. 21–47.

12. Кузьминова Е.А. Степень императивности грамматики Мелетия Смотрицкого // Филологические науки. 2011. № 4. С. 97–108.

13. Дорошенко С.М. Летопись жизни и деятельности Патриарха Никона на фоне событий церковной и гражданской истории и в окружении разного рода лиц, к нему касательных // Патриарх Никон: стяжание Святой Руси – созидание Государства Российского. Часть I. М. Саранск, 2009.

14. Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. Казань, 1876.

15. Языки мира: Славянские языки. М., 2005.

16. Людоговский Ф., Плякин М. Литургические языки в Slavica Orthodoxa: современная ситуация // Славянский альманах: 2009. М., 2010. С. 380–399.

17. Кусмауль С.М. Книжная права 40-х годов XVII века // Slověne. 2014. № 1. С. 72–101.

18. Супрун В.И. Учебник церковнославянского языка. Волгоград, 1998.

19. Воробьёва А.Г. Учебник церковнославянского языка. М., 2008.
20. Миронова Т.Л. Церковнославянский язык. М., 2008.
21. Изотов А.И. Старославянский и церковнославянский языки. М., 2001.
22. Ремнёва М.Л., Савельев В.С., Филичев И.И. Церковнославянский язык. М., 1999.
23. Стульцев А.Г. Церковнославянский язык. Ростов-на-Дону, 2013.
24. Ушков А.В. Краткий учебник церковнославянского языка. Веркола, 2017.
25. Афанасьева Н.Е. Учебник церковнославянского языка. Долгопрудный, 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.blagodon.ru/biblio/232/> (дата обращения: 15.06.2023).
26. Церковнославянская грамота. Учебные очерки / Составители: [Саблина Н.П.], Демидов Д.Г., Невзорова Н.Н., Шумских Н.Н. СПб., 1998.
27. Кратчайший начальный самоучитель церковнославянского языка. Торжок, 2001.
28. Маршева Л.И. Орфография церковнославянского языка. Теоретический очерк. Упражнения. М., 2013.
29. Мельников В.Г., Чирков М.Ю. Учись читать по-церковнославянски. М., 2015.
30. Наумов С.А. Буква в духе. Церковнославянская грамота. № 32–33 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/video/bukva-v-duxe-cerkov-noslavianskaya-gramota/> (дата обращения: 15.06.2023).
31. Пенинский И. Славянская грамматика. СПб., 1825.
32. Церковнославянский язык [Свирепова О.В., Захарова Л.А.]. Пушино, 2010.
33. Смирнова А.Е. Церковнославянский язык в таблицах. СПб., Леушинское подворье, 2006.
34. Эрастов А., иером. Грамматика церковнославянского языка. СПб., 2007.
35. Алипий (Гаманович). Грамматика церковнославянского языка. М., 1991.
36. Арефьев П.Г., Кузнецов В.В. Азбука церковнославянского языка. М., 1995.
37. Козьмин К. Грамматика церковно-славянского языка нового периода. М., 1903.
38. Курс церковнославянского языка // Литературная учёба. 1991. № 1. С. 182–188.
39. Плетнёва А.А., Кравецкий А.Г. Церковнославянский язык. М., 2001.
40. Саблина Н.П. Буквица славянская. М., 2005.
41. Соколов Д.Д. Справочная книжка по церковнославянскому правописанию. СПб., 1907.
42. Греческо-русский словарь Нового Завета: Пер. Краткого греческо-английского словаря Нового Завета Баркли М. Ньюмана. М., 2008.
43. Большаков А.Д. Дифференциация омоформ единственного и неединственного числа склоняемых частей речи в церковнославянском языке: к формулировке общего правила // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 251–267. DOI: 10.17223/18137083/78/18.
44. Кравецкий А.Г. Лингвистические и текстологические стандарты синодальных типографий // Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка 2006–2009. С. 470–502.
45. Большаков А.Д. Системно-языковые связи антистиха // Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования: Материалы II Международной научной конференции. 22–23 апреля 2022 г. Вып. 2. Часть 2. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2023. С. 20–33.
46. Большаков А.Д. Так существуют ли в действительности аггелы? (Дискуссия о произношении слова как методическая проблема) // Язык православного богослужения: история, традиции, современная практика. Материалы I Международной научно-практической конференции. Н. Новгород: ООО «Бегемот-НН», 2019. С. 145–155.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF ANTISTIH (ANTI-VERSE) IN THE MODERN CHURCH SLAVONIC LANGUAGE

A.D. Bolshakov

The principle of antistih (anti-verse) plays a very important role in the system of the modern Church Slavonic language, but despite this it still remains poorly developed both in scientific and educational literature. The Church Slavonic language is usually considered as a language formed during the church reforms of Patriarch Nikon, in connection with which researchers focus their attention on the pre-reform editions of the Moscow Printing Yard, stopping at the publication of the Grammar of 1648, but contemporary norms do not meet the requirements provided for by this grammar. In turn, in the educational literature, the principle of antistih (anti-verse) is either not considered at all, or is considered fragmentally, inconsistently and out of connection with other spelling principles or with other levels of the language. Such a combination of factors significantly complicates not only an adequate theoretical description, i.e. codification, of the Church Slavonic language at the present stage of its development and appropriate teaching, but even the correct composition/editing of texts in Church Slavonic language.

Keywords: Church Slavonic language; principle of antistih (anti-verse); graphics and orthography; homonymy; codification; linguodidactics; Moscow Printing Yard (Synodal typography); Slavic Cyrillic paleography; book correction; grammatology.

References

1. The Orthodox Encyclopedia. Vol. II. M., 2001. P. 549–553.
2. Ludogovsky F.B. Modern Church Slavonic language: substantiation of existence and definition of the concept // *Slavic Bulletin*. Issue 1. M., 2003. P. 191–199.
3. Bolshakova A.D. Antistichyia and the problem of codification of the Church Slavonic language // *Actual Problems of Slavic philology, culture and journalism: materials of the I International Scientific Conference*. N. Novgorod: N.I. Lobachevsky National University, 2021. P. 107–113.
4. Kuzminova E.A. The principle of antiquity in the Slavic grammatical tradition // *Bulletin of the Moscow University*. Ser. 9. Philology. 2011. № 5. P. 36–55.
5. Marsheva L.I. Differentiating principle of Church Slavonic orthography // *Sretensky collection. Scientific works of STS teachers*. Issue 3. M., 2012. P. 327–335.
6. Levshenko T.A. The difference of sound grammatical forms in the Church Slavonic language: theory and practice // *XXVIII Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon's University: materials*. M.: Publishing House of the St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, 2018. P. 245–252.
7. A. Kravetsky.G., Pletneva A.A. The history of the Church Slavonic language in Russia (late XIX – early XX centuries). M., 2001.
8. Tolstoy N.I. Church Slavonic and Russian: their correlation and symbiosis // *Questions of Linguistics*. 2002. № 1. P. 81–90.
9. Kusmaul S.M. Normalization of the use of doublet letters according to the principle of Antistichyism in the process of book reference in the middle of the XVII century // *Russian language in scientific coverage*. 2013. № 1 (25). P. 223–243.
10. Kusmaul S.M. Evolution of the principles of the use of the letter W in the second half of the XVI century – the first half of the XVII century // *Fontes Slavia Orthodoxa: collection of scientific articles / Edited by E.A. Potekhina and A.G. Kravetsky*. Olsztyn, 2016. P. 89–134.
11. Kusmaul S.M. The evolution of the functions of the sign of the kamora in theological publications of the late XVI – first half of the XVII century // *Bulletin of the St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities*. Series III: Philol. 2017. Issue 51. P. 21–47.
12. Kuzminova E.A. The degree of imperative grammar of Meletius Smotritsky // *Philological sciences*. 2011. № 4. P. 97–108.
13. Doroshenko S.M. Chronicle of the life and work of Patriarch Nikon against the background of events in church and civil history and surrounded by various kinds of persons related to them // *Patriarch Nikon: the acquisition of Holy Russia – the creation of the Russian State*. Part I. M. Saransk, 2009.
14. Znamensky P.B. A Guide to Russian Church History. Kazan, 1876.
15. Languages of the world: Slavic Languages. M., 2005.
16. Ludogovsky F., Plyakin M. Liturgical languages in Slavia orthodoxa: a modern situation // *Slavic Almanac*: 2009. M., 2010. P. 380–399.
17. Kusmaul S.M. Book law of the 40s of the XVII century // *Slovenske*. 2014. № 1. P. 72–101.
18. Suprun V.I. Textbook of the Church Slavonic language. Volgograd, 1998.
19. Vorobyova A.G. Textbook of the Church Slavonic language. M., 2008.
20. Mironova T.L. Church Slavonic language. M., 2008.
21. Izotova A.I. Speaks Old Slavonic and Church Slavonic languages. M., 2001.
22. Remneva M.L., Savelyev V.S., Filichev I.I. Church Slavonic language. M., 1999.
23. Stultsev A.G. Church Slavonic language. Rostov-on-Don, 2013.
24. Ushkov A.V. A short textbook of the Church Slavonic language. Verkola, 2017.
25. Afanasyeva N.E. Textbook of the Church Slavonic language. Dolgoprudny, 2018 [Electronic resource]. Access mode: <https://www.blagogon.ru/biblio/232/> (Date of access: 15.06.2023).
26. Church Slavonic letter. Educational essays / compilers: [Sablina N.P.], Demidov D.G., Nevzorova N.N., Shumskikh N.N. St. Petersburg, 1998.
27. The shortest initial self-help book of the Church Slavonic language. Torzhok, 2001.
28. Marsheva L.I. Orthography of the Church Slavonic language. A theoretical essay. Exercises. M., 2013.
29. Melnikov V.G., Chirkov M.Yu. Read in Church Slavonic. M., 2015.
30. Naumov S.A. The letter is in the spirit. Church Slavonic charter. № 32–33 [Electronic resource]. Access mode: <https://azbyka.ru/video/bukva-v-dux-cerkov-nos-lavyanskaya-gramota/> (Date of access: 15.06.2023).
31. Peninsky I. Slavic grammar. St. Petersburg, 1825.
32. Church Slavonic language [Svirepova O.V., Zakharova L.A.]. Pushchino, 2010.
33. Smirnova A.E. Church Slavonic language in the table. St. Petersburg: Leushinskoe metochion, 2006.
34. Erastov A., Hieromonk. Grammar of the Church Slavonic language. St. Petersburg, 2007.
35. Alipy (Gamanovich). Grammar of the Church Slavonic language. M., 1991.
36. Arefiev P.G., Kuznetsov V.V. The alphabet of the Church Slavonic language. M., 1995.
37. Kozmin K. Grammar of the Church Slavonic language of the new period. M., 1903.
38. Course of the Church Slavonic language // *Literary studies*. 1991. № 1. P. 182–188.
39. Pletneva A.A., Kravetsky A.G. Church Slavonic language. M., 2001.
40. Sablina N.P. Letter Slavyanskaya. M., 2005.
41. Sokolov D.D. Reference book on Church Slavonic spelling. St. Petersburg, 1907.
42. Greek-Russian Dictionary of the New Testament: Trans. A Concise Greek-English Dictionary of the New Testament by Barclay M. Newman, M., 2008.
43. Bolshakov A.D. Differentiation of homophores of a single and non-singular number of declinable parts of speech in the Church Slavonic language: towards the formulation of a general rule // *Siberian Philological Journal*. 2022. № 1. P. 251–267. DOI: 10.17223/18137083/78/18.

44. Kravetsky A.G. Linguistic and textual standards of synodal printing houses // Linguistic source studies and the history of the Russian literary language 2006–2009. P. 470–502.
45. Bolshakov A.D. System-linguistic connections of antiquity // Word. Text. Source: methodology of Modern Humanitarian research: proceedings of the II International Scientific Conference. April 22–23, 2022. Issue 2. Part 2. M.: Kosygin Moscow State University, 2023. P. 20–33.
46. Bolshakov A.D. Is this really the case? (Discussion on the pronunciation of a word as a methodological problem) // The language of Law-Slavic theology: history, traditions, modern religious practice. Materials of the I International scientific and practical Conference. N. Novgorod: LLC «Behemoth-NN», 2019. P. 145–155.